

Наталья Косяк

Andy Bruno. The Nature of Soviet Power: An Arctic Environmental History. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 288 pp. ISBN 978-1-1071-4471-2.

*Наталья Косяк – лаборант Центра социальных исследований Севера ЕУСПб.
Адрес для переписки: ул. Гагаринская, 3А, Санкт-Петербург, 191187, Россия.
nkosyak@eu.spb.ru.*

Книга американского историка Энди Бруно посвящена индустриальным преобразованиям, произошедшим в XX веке на Кольском полуострове, и природе как участнику коммунистического проекта, ее роли в сталинской модернизации и более поздних событиях в описываемом регионе. Перед читателем результат длительной работы (как пишет автор – трети его жизни), начало которой связано с диссертационным исследованием Бруно (Bruno 2011) и с предшествующей этой диссертации работой в России.

Автор задается вопросом о том, что можно узнать о власти в советском государстве через призму экологии, сохраняя при этом баланс между исследовательским интересом к индустриализации в российской Арктике и институциональным направлением экологической истории. В центре внимания работы находятся «культурное восприятие природы, планы развития, непосредственные опыты в окружающей среде Арктики, модификации физического мира» (с. 6), которые анализируются на богатом архивном материале, многочисленных газетных статьях и широком спектре опубликованных источников. Глобальный вопрос о месте описанных преобразований в общесоветском и мировом опыте модернизации предполагает использование материала Кольского полуострова как своеобразного case study в рамках более широкого контекста советской или мировой индустриализации.

Работа вписана в общий исследовательский контекст экологической истории, точнее – ее политической ветви, а также примыкающих к ней исследований власти, в частности, тоталитарных систем. При анализе власти автор обращается к идее ассамбляжа в понимании Бруно Латтура ([2005] 2014). Советская власть при таком подходе рассматривается как часть эклектичного набора разных акторов и может соседствовать с актерами не-человеческой природы: «В силу необходимости партийные лидеры из центра и регионов разделяли власть не только со множеством представителей различных бюрократических интересов, классов, этнических, религиозных, гендерных групп, но и с не-людьми и неживой природой. Горы, лишайники, озера, лосось составляли группу влиятельных субъектов, которая появилась во время кампаний по индустриализации Кольского полуострова» (с. 9).

Это позволяет ввести в круг действующих лиц акторов, принадлежащих к так называемой неживой природе или стихиям, что несвойственно большинству исторических описаний. Героями книги становятся не только представители различ-

ных групп со своими интересами, но и «и элементы самой природной среды, включая животных, скалы и снега» (с. 6)¹.

Если проводить аналогию с антропологическим исследованием (а в тексте Бруно междисциплинарных связей много), можно было бы сказать, что объектам природы дали «право голоса», но в данном случае оленям, рудам цветных металлов, особенностям рельефа и гидрографическим объектам дано право действия. Равенства с героями традиционного исторического повествования эти неожиданные гости истории не имеют. Критерием для разграничения людей и нечеловеческих (non-human) сил выступает агентность, осознанность действий и мотивация: «озера и лишайники не обладают никакими познаваемыми намерениями. Существует важное различие между агентами, которые могут иметь осознанные намерения, и актерами, которые не всегда, но могут формировать события неожиданно» (с. 9). В дальнейшем Бруно показывает, как влияли на ход индустриализации не только разные агенты со своими интересами и целями, но и природные акторы. Впрочем, эти неодушевленные акторы (или невольные агенты) по значимости своих действий вполне успешно соревнуются с государственными служащими (как, например, олени, не признающие границ заповедника) или техническими специалистами (как формулирует автор, «ге-engineered rivers failed to generate enough hydroelectricity» (с. 269)). Обращение, с одной стороны, к теории ассамбляжа, а с другой стороны – к концепции экосистемы² избавляет автора от необходимости выстраивания иерархических связей между всеми участниками процесса. Степень их влияния друг на друга и на конечный результат подвижна.

Книга состоит из семи глав. В первой сосредоточены исследовательские вопросы, предпринят анализ методологии, сформулированы основные положения работы; следующие пять глав – это отдельные истории отраслей, изменивших в XX веке Кольский север (строительство железной дороги, добыча и переработка химических удобрений, оленеводство, выплавка никеля и меди и энергетический сектор). Последняя, седьмая глава по своей роли близка к заключению и отчасти эпилогу. Хронологически повествование выстроено не прямолинейно. В каждом очерке, помимо исторического контекста, предыстории, изложения планов на будущее, дана богатая сравнительная перспектива, которая представлена через включенность в происходящее в других регионах СССР и мировой контекст развития отрасли.

¹ См. в оригинале: «reformist bureaucrats who came of age in tsarist Russia; scientists seeking to benefit the state; upwardly mobile communists who found themselves in perilous positions of authority during the Stalinist terror; regional and central state authorities; coerced laborers who built and worked in an array of industries; different ethnic groups that depended on hunting and herding reindeer; a variety of technical experts who concerned themselves with everything from improving the extraction of mineral ore to limiting the effects of pollution» (с. 6).

² Термин «экосистема» заимствован из экологии, при расширении для исторического исследования он позволяет работать с самыми разными участниками процесса индустриализации, включая физический мир, как с сетью неизбежно взаимосвязанных, постоянно меняющихся сил.

Вторая глава посвящена строительству и функционированию железной дороги. Здесь идеи развития Севера описаны в тесной связи с мировой ситуацией начала XX века. Управление железной дорогой, форсированная индустриализация с технократическим и милитаристским подходом рассматриваются в том числе с позиций регионального колониализма. В третьей главе «Сталинизм как экосистема» автор фокусируется на изменении инфраструктуры с приходом на Кольский Север большого индустриального проекта 1928–1932 годов, связанного с открытием месторождений апатитов и фосфатов в Хибинах, их последующей разработкой, городским и промышленным планированием и строительством. Концепция экосистемы становится инструментальной категорией для анализа политической системы сталинского периода; Бруно использует ее для обозначения всего многообразия факторов и особенностей, включая непредсказуемые. Экосистема акцентирует возможности природы, во всей совокупности ее частей, влиять на Хибинский проект, будучи его составной частью. Предметом четвертой главы становится меняющийся образ жизни оленеводов в тундре – саами, ненцев, коми – с их интересами, стадами оленей и конфликтами с государственными мерами по коллективизации, укрупнению стад, переводом на оседлость. История цветной металлургии, добычи никеля и меди (глава 5) тесно связана с историей загрязнения территории. На этом же материале рассматривается столкновение двух концепций природы: как объекта завоевания и как части естественного мира, с которой нужно сохранить гармонию. Этот дуализм, бывший источником напряжения, дал, наряду с экологическим кризисом, толчок для пересмотра взглядов государства на окружающую среду. В шестой главе проанализирована история энергетического сектора от использования ручного труда и энергии сгораемого торфа и леса, проектов ГЭС 1920–1930-х годов до постепенно сложившегося доминирования гидроэнергетики Мурманской области и атомной энергетики в гражданском и военном секторах. Этот материал, так же, как история путей сообщения, создает поле для дискуссии о политике модернизации. Власть над территорией может закрепляться через строительство энергетических сетей, а власть трансформировать природу, по мнению Бруно, в условиях энергоемких отраслей оказывалась пропорциональна выработке энергии.

Несмотря на то, что главы постепенно образуют единое, необычайно насыщенное историческое полотно, большинство из них (со второй по шестую) могут быть прочитаны как отдельные очерки, что является достоинством книги. Временные рамки оказываются привязанными к началу индустриальной колонизации, что роднит повествование с исследованиями о фронтире (Кронен [1992] 2008). И хотя история индустриализации неизбежно влечет за собой историю загрязнения окружающей среды (и Бруно уделяет этой теме большое внимание), повествование не концентрируется ни на позитивных, ни на катастрофических сценариях развития, что свойственно ряду сочинений экологических историков.

Природа перестает быть фоном или декорацией происходящих экономических, социальных, пространственных изменений. Как актер она оказывается способна корректировать политику, ограничивая амбициозные планы советской

власти: «Не-человеческие акторы способствовали непосредственным изменениям, даже если у них не было человеческой агентности» (с. 9). Взгляд государства на природу, трансформируясь, тоже демонстрирует зависимость от природных акторов, и экологические кризисы играют важную роль в изменениях подходов к окружающей среде. Эти темы неоднократно осмыслялись историками и антропологами (Уинер [1988] 1991; Bolotova 2004, 2011).

Именно новая исследовательская оптика, по утверждению автора, позволила ему создать в исторической перспективе описание природы как силы, влияющей на индустриализацию и планы промышленного развития, показать, как «для далекого северного региона экологические отношения фундаментально формируют советский опыт» (с. 6). Региональный материал (Кольский полуостров) с его северной спецификой очень удачен. Более южные области, возможно, проиллюстрировали бы менее рельефную картину.

Концепция экосистемы вводится автором для отражения сети взаимодействия между всеми участниками процесса, вне зависимости от одушевленности. При обсуждении политической экологии понятие «экосистема» удобно для целостного взгляда на государство, разнообразные силы которого так же, как и противостоящие ему силы, рассматриваются как ассамбляжи. На этой концепции Бруно во многом строит понимание советской истории индустриализации на Кольском Севере. Не следует забывать, однако, что концепция экосистемы, даже являясь удачным инструментом для описания функционирования советской власти в определенном месте и времени, в историческом исследовании продолжает оставаться метафорой.

В отличие от анализа регионального материала, ответ на глобальный вопрос о статусе описанного опыта в мировом контексте получился в определенной степени предсказуемым. Общим для любого опыта становится «неустанный импульс к модернизации общества и природного мира» (с. 274), так же, как и «экономическая экспансия» (с. 275), как часть глобального стремления к непрерывному экономическому росту. Возможно, новаторская методология Бруно не была для этого вывода столь уж необходима.

Автор позиционирует книгу именно как историческую работу, тем не менее дисциплинарно она гораздо шире. Это происходит не только благодаря обращению к теории ассамбляжа и акторно-сетевой теории, но и из-за большого количества историографических связей, вплетенных в текст и включающих его в разные исследовательские поля. К ним можно отнести антропологический контекст исследования государства – через обращение к работам Джеймса Скотта или экологическую антропологию – через анализ взаимоотношений человеческого и нечеловеческого (non-human) и ряд других. Все это делает книгу Энди Бруно глубоким многоплановым исследованием по индустриальной истории советской Арктики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кронен, Уильям. [1992] 2008. «Место для историй: природа, история и повествование». С. 84–131 в *Человек и природа: экологическая история*, под ред. Даниила Александрова, Франца-Йозефа Брюггенмайера и Юлии Лайус. СПб.: Алетейя.

- Латур, Бруно. [2005] 2014. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Уинер, Дуглас. [1988] 1991. *Экология в Советской России. Архипелаг Свободы: заповедники и охрана природы*. М.: Прогресс.
- Bolotova, Alla. 2004. "Colonization of Nature in the Soviet Union: State Ideology, Public Discourse, and the Experience of Geologists." *Historical Social Research* 29(3):104–123.
- Bolotova, Alla. 2011. "Engaging with the Environment in the Industrialized Russian North." *Suomen Antropologi: Journal of the Finnish Anthropological Society* 36(2):28–36.
- Bruno, Andy. 2011. "Making Nature Modern: Economic Transformation and the Environmental in the Soviet North." PhD dissertation, Department of History, University of Illinois at Urbana-Champaign.